

В девять вечера на школьном дворе не было ни одного фонаря. Задняя дверь редко использовалась в это время, но Гу Минъюй не обращал на это внимания. Не дожидаясь ответа Чжоу Чэна, он поднял его рубашку, обнажив грудь. Чжоу Чэн не сопротивлялся, прикрывая горящие щёки руками, позволяя Гу Минъюю делать всё, что тот захочет.

Весной на юге разница температур между днём и ночью значительна. Чжоу Чэн, полагаясь на своё крепкое здоровье, носил под школьной формой только футболку с длинным рукавом, в отличие от Гу Минъюя, который надевал термобельё, кофту и только потом школьную форму.

Чжоу Чэн действительно не чувствовал холода. Его тело было тёплым, как печь. Пальцы Гу Минъюя, холодные, как лёд, коснулись его груди, заставив его вздрогнуть. Но вскоре тепло охватило обоих.

Луна скрылась за облаками, и Гу Минъюй не мог разглядеть тело перед собой. Он водил забинтованной рукой по мышцам, и когда коснулся одного места, Чжоу Чэн вздрогнул, издав странный звук.

Гу Минъюй удивился.

— Значит, здесь чувствительно?

Он взял сосок между пальцами, нежно массируя его. Дыхание Чжоу Чэна участилось, тело разогрелось. Гу Минъюй отпустил сосок и сжал всю грудь ладонью.

— Твёрдый, но упругий.

Гу Минъюй тоже почувствовал сухость во рту. Он наклонился, и их тела, разделённые школьными брюками, начали тереться друг о друга, вызывая головокружение от удовольствия.

Но, будучи ещё юными, они стеснялись таких вещей. После нескольких движений Гу Минъюй решил, что достаточно, и лёг рядом с Чжоу Чэном, глядя на звёздное небо.

— Минъюй, — Чжоу Чэн подложил руку под голову Гу Минъюя, словно подушку, — давай пообещаем, что, что бы ни случилось с нашими родителями, мы останемся такими же близкими.

Луна пробилась сквозь облака, освещая траву. Всё вокруг казалось окутанным лёгкой дымкой, создавая романтическую атмосферу.

Чжоу Чэн смотрел на Гу Минъюя. При лунном свете он казался прекрасным, словно сон, далёкий и близкий одновременно.

Гу Миньюй кивнул.

— Хорошо, мы останемся такими же.

— Поцелуемся на этом?

Гу Миньюй рассмеялся над детской просьбой Чжоу Чэна, но не стал возражать. Они соединили мизинцы, как в детской игре.

— Клятва на сто лет.

Чжоу Чэн, получив обещание, успокоился. Он придвинулся ближе, собираясь поцеловать Гу Миньюя, но в этот момент вдалеке послышались шаги и голоса.

— Смотри, там кто-то есть.

— Наверное, парочка. Смелые.

— Нет, это два парня!

— Фу, как противно!

Чжоу Чэн застыл. Когда люди ушли, он с облегчением лёг обратно. Гу Миньюй тоже почувствовал себя неловко. Немного полежав, он встал и позвал Панду.

— Пошли.

Чжоу Чэн молча последовал за ним.

В тот день Гу Миньюй вернулся домой на сорок минут позже обычного. Гу Хуайли ждал его у входа, включив свет на крыльце. Его слегка сгорбленная фигура была освещена.

Официальное письмо из провинции наконец пришло, и Гу Хуайли не получил повышения. Новым заместителем директора стал Чэнь Бинь, человек без особых заслуг, чья репутация в институте была не лучшей. Однако его отец был бывшим директором, а брат занимал высокий пост в провинциальной полиции.

Новый заместитель сразу же начал строить планы, чтобы занять место уходящего на пенсию директора, и относился к Гу Хуайли как к конкуренту. Таким образом, Гу Хуайли оказался в кризисе как на работе, так и в семье, и стал выглядеть старше.

Весенний вечер не был проблемой для молодёжи, но для почти пятидесятилетнего Гу Хуайли было прохладно. Ему было тридцать три, когда родился Гу Миньюй, которому сейчас исполнилось четырнадцать.

Гу Хуайли, стоявший на холоде уже некоторое время, увидел их и слабо улыбнулся.

— Я думал, Панда потерялся, искал его, а он оказался с тобой в школе.

Он также поздоровался с Чжоу Чэном, как и раньше.

Чжоу Чэн был удивлён и не знал, что сказать, боясь, что мать увидит его с Гу Миньюем. Он быстро кивнул, сказал «Дядя Гу» и скрылся за воротами своего дома.

Гу Миньюй сжал губы, видя, как Гу Хуайли чихает, и раздражённо сказал:

— Если тебе холодно, заходи в дом, не нужно меня ждать.

На дорожке перед домом не было фонарей, и с тех пор, как Гу Миньюй начал ходить на вечерние занятия, Гу Хуайли всегда включал свет у ворот и ждал его.

Гу Хуайли прочистил нос и улыбнулся.

— Ничего, привык.

Гу Миньюй вошёл во двор, отвёл Панду в его будку и погладил по голове.

Гу Хуайли последовал за ним и, увидев повязку на руке сына, с беспокойством спросил:

— Ты поранился вечером? Всё в порядке?

Гу Миньюй на мгновение замер, но затем, делая вид, что всё в порядке, убрал руку.

Закончив домашнее задание, Гу Миньюй вышел из ванной и увидел Гу Хуайли, стоящего у двери его комнаты с подушкой и одеялом.

— Миньюй, можно я сегодня посплю с тобой?

С тех пор как родители начали ссориться, Гу Хуайли и Ху Чжэнь спали в разных комнатах. Гу Минчжу осталась работать в Шэньчжэне — карьера Ху Чжэнь рухнула, и она больше не была владелицей бизнеса, а стала простой работницей.

Гу Хуайли последние дни спал в комнате Гу Минчжу, и Гу Миньюй не понимал, почему он вдруг захотел спать с ним.

Гу Миньюй опустил глаза и кивнул, проходя мимо отца в комнату. Его кровать была детской, шириной всего метр двадцать, с головой динозавра — точно такая же, как у Чжоу Чэна.

Но даже для одного человека она была тесной, а Гу Хуайли, хоть и худой и невысокий, всё же занимал много места.

— В следующий раз куплю тебе кровать побольше, — сказал Гу Хуайли.

— Хорошо.

Гу Миньюй лежал, глядя на отражение луны на потолке, ожидая, когда отец заговорит о главном.

Вскоре Гу Хуайли вздохнул и спросил:

— Миньюй, если я сделал что-то плохое по отношению к маме, ты простишь меня?

Сердце Гу Миньюя замерло. Ссоры родителей начались внезапно, и он не мог понять, что могло разрушить их отношения. Слова отца всё объяснили — один из них предал другого.

Гу Миньюй, хоть и был взрослым не по годам, не хотел знать, что именно сделал отец. Помолчав, он наконец ответил.

— Папа, ты предал маму или меня?

Его голос звучал холодно, будто речь шла о чужом человеке.

— ...Я понял.

Гу Хуайли слабо улыбнулся.

— Поздно, ложись спать.

Но Гу Миньюй не хотел отпускать его. Он повернулся, глядя на красивый бант на левой руке, и, закрывая глаза, сказал, стоя спиной к отцу:

— Я не имею права решать, прощать тебя или нет. Только тот, кому ты причинил боль, может

это сделать. Если она не захочет...

Гу Миньюй закусил губу, прикрывая платком глаза, чтобы скрыть слёзы.

— Если она не захочет... я буду на её стороне.

Это было самое правильное и разумное решение. Если даже собственный сын не поддержит её, как она сможет справиться с болью?

В ответ Гу Миньюй услышал только тяжёлое дыхание отца. Гу Хуайли ничего не сказал, и Гу Миньюй, засыпая, услышал его тихий вздох и слова извинения.

На следующее утро Гу Хуайли уже ушёл из дома, оставив на тумбочке бутылочку глазных капель.

Гу Миньюй выстирал платок, но не вернул его Чжоу Чэну, а положил в карман, делая вид, что не замечает его глупой улыбки.

<http://bllate.org/book/15446/1371509>